

ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ — НОВЫЕ, НОВЕЙШИЕ И РОЖДАЮЩИЕСЯ

«НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ» Р. ФОГЕЛЯ И Д. НОРТА

«Новая экономическая история» в контексте институциональных экономических теорий. Экономическая история как одно из направлений экономической теории начала развиваться в рамках немецкой «старой» исторической школы с 1840-х гг. Зародившись в рамках научного течения, пытавшегося стать альтернативой классической политэкономии и неоклассическому «мэйнстриму», историко-экономическая наука и в дальнейшем сохраняла эту оппозиционность. В конце XIX в., когда от накопления «сырых» фактов историко-экономисты стали переходить к их теоретическому осмыслению, теоретическим фундаментом экономической истории как науки стал институционализм. Эта тесная связь именно с институциональным «экономиксом» сохранялась на протяжении всей последующей истории историко-экономической науки, вплоть до наших дней.

Институционализм — научная теория, которая развивается на границах собственно экономической науки и «соседних» общественных наук. Она представляет собой либо применение методов этих наук к анализу экономики («старый» институционализм), либо, наоборот, применение экономических методов к анализу проблем этих «соседних» наук (неоинституционализм).

Развитие институциональной экономической истории отражает общие тренды развития институционализма.

В первой половине XX в., в эпоху «старого» институционализма, работали такие ученые, чьи труды имеют среди историков-экономистов огромную популярность и в наши дни, как М. Вебер, В. Зомбарт, К. Поланьи, Н. Элиас. Все эти обществоведы использовали для изучения экономической истории (главным образом, истории генезиса капитализма) социологические методы. Во второй половине XX в. социологический

подход к экономической истории продолжал развиваться в концепциях К.-А. Виттфогеля, представителей экономической антропологии (М. Салинз, Е. Сервис) и мир-системного анализа (И. Валлерстайн, Ф. Бродель). Их идеи оказывают сильное влияние (особенно это относится к концепциям К. Полаanyi и мир-системного анализа) на развитие теории экономической истории и в наши дни, в начале XXI в. Однако когда в рамках собственно институционализма «старых» институционалистов потеснили неоинституционалисты, аналогичная тенденция проявилась и в теории экономической истории.

Уже в 1950-е гг. социологический «вызов» породил «ответ» профессиональных экономистов. Речь идет о возникшем в США научном направлении, которое называют «новой экономической историей» (*new economic history*) и клиометрикой (*cliometrics*). Выражением высокого авторитета этого направления стало присуждение в 1993 г. Дугласу Норту и Роберту Фогелю, двум его самым выдающимся представителям, Нобелевской премии по экономике.

Новая экономическая история на начальном этапе (примерно до 1980-х гг.) развивалась как «заговор молодых технарей против респектабельных ученых»¹. «Молодые технари» начали активно использовать компьютерный анализ исторической статистики. Основными темами для них стали сначала почти исключительно вопросы экономической истории США XIX в.: экономика рабства на Юге до Гражданской войны, транспортная революция 2-й половины XIX в., формирование национального рынка труда, экономические кризисы. Позже, конечно, произошло как расширение тематики исследований американских историков-экономистов, так и «экспорт» идей новой экономической истории из США в другие страны. В наши дни высоким уровнем приверженности идеям новой экономической истории отличаются, например, историки-экономисты Великобритании.

Современная историко-экономическая теория развивается под доминирующим влиянием двух разновидностей новой экономической истории — «фогелевской» и «нортовской».

Различия между ними основаны на том, что если клиометрики во главе с Р. Фогелем делают акцент на новых для историков приемах *экономико-математического анализа*, то последователи «зрелого» Д. Норта делают акцент на при-

менении принципиально нового для историков неоинституционального *понятийного аппарата* (права собственности, транзакционные издержки и т.д.). Таким образом, «нортовская» экономическая история имманентно институциональна. Что же касается «фогелевской» экономической истории, то она непосредственно институциональной не является, но допускает институциональную интерпретацию. «Фогелевский» подход является более ранним (он развивается с 1960-х гг.), «нортовский» — более поздним (с 1970-х гг.).

Рассмотрим, каковы достоинства и недостатки этих двух течений новой экономической истории.

Клиометрика Р. Фогеля. Главной заслугой Р. Фогеля и его коллег является, конечно, радикальное обновление методов историко-экономических исследований. Ранее в литературе по экономической истории преобладали чисто логические концепции (типа, например, закона относительного обнищания пролетариата у К. Маркса) и подтверждающие их отдельные примеры. Теперь историки стали собирать базы количественных данных (по ценам, зарплате, объему грузопотоков, величине производства разных товаров...) и обрабатывать их эконометрическими методами. Для углубления понимания проблем экономической истории пригодились едва ли не все модели «экономикса» — кривые безразличия, модель Кобба-Дугласа, кривая Кузнецца, модель Харриса-Тодаро, кривая Филлипса... В наши дни специалист по экономической истории, не владеющий методами статистического анализа и эконометрики, постепенно становится анахронизмом.

Р. Фогель и его сторонники прямо никогда не подчеркивают своей связи с институциональной традицией: ведь клиометрики «молятся» числам, а «старый» институционализм, наоборот, возник как протест против экономико-математического формализма. Однако объективно они часто доказывают как раз необычайно высокое значение институциональных, не-экономических факторов экономической истории. В качестве примера можно сослаться хотя бы на выводы Р. Фогеля об экономике американского рабства, сделанные в написанной совместно со С. Энгерманом книге «Время на кресте»² и последующих трудах: по его мнению, влияние моральных норм перевесило чисто экономическую рациональность, поскольку-де американцы разрушили эффективный рабовладельческий уклад под

влиянием преимущественно нравственных побуждений. Таким образом, подспудно исследования клиометриков дают очень весомый аргумент именно экономистам-институционалистам.

Однако отказ от сознательного использования институционального подхода часто играет с клиометриками «фогелевского» направления злую шутку. Один из важнейших принципов институционализма, установка на комплексный подход, клиометриками не воспринимается, в результате чего их многочисленные яркие «находки» не всегда складываются в достоверную целостную картину. Например, при изучении причин Гражданской войны «фогелевцы» не обращают внимания на геоэкономический фактор: различия между Севером и Югом угрожали целостности Соединенных Штатов как единого государства, а «парад суверенитетов» неминуемо понижает национальную экономическую эффективность. Поэтому признание эффективности экономики рабства совсем не обязательно связывать с «высокой моралью» американцев; отмена рабства, скорее, делает честь их умению соразмерять краткосрочные потери и долгосрочные выгоды. Однако такой интегральный, «политэкономический» подход в рамках собственно неоклассического «мэйнстрима» вряд ли возможен.

Эта негативная особенность «фогелевской» новой экономической истории, использование экономико-математических методов *ad hoc* при отсутствии целостной теории, вполне сохранилась и даже усилилась в 1980–2000-е гг. Как указывает С.А. Ломова, «несмотря на то, что клиометристы пересмотрели большое количество общепринятых концепций в экономической истории, они были не всегда удачливы в создании новых концептуальных и теоретических построений»³. Можно полностью согласиться с мнением, что «для новых историко-экономических теорий необходим сильный прорыв за пределы неоклассической теории»⁴, которая имманентно предназначена для изучения уже возникшего рыночного хозяйства, а не его генезиса и трансформации.

Макротеория Д. Норта. Клиометриком, кому удалось уже в 1970-е гг. перейти от изучения отдельных «деревьев» к анализу «леса», стал Д. Норт. Начав, как и Р. Фогель, с клиометрических исследований транспортной революции и рабства в США XIX в., Д. Норт затем начал попытки создания целостной теории новой экономической истории. Первым

опытом создания макротеории стала написанная совместно с Р. Томасом книга «Возвышение западного мира: новая экономическая история».

В своей концепции экономического прогресса Д. Норт и Р. Томас базировались на идеях А. Смита о разделении труда как главном факторе и глубинном источнике экономического роста. Чтобы стимулировать развитие разделения, необходимы такие предпосылки как инвестиции и инновации. Однако почему в одном случае инвестиции и новации сыграли свою роль, а в другом — нет? По мнению авторов «Возвышения западного мира», это зависит как раз от институтов, понимаемых как совокупность принятых в обществе «правил игры». Институциональная структура эффективна там и тогда, где она обеспечивает условия быстрого экономического роста, что в свою очередь зависит, прежде всего и главным образом, от системы прав собственности⁵.

Приоритетное внимание к изменениям прав собственности в истории общества привело Д. Норта к изучению долгосрочной динамики масштабов деятельности по защите прав собственности (транзакционной деятельности). Проведенное совместно с Д. Уоллисом клиометрическое исследование позволило Д. Нарту констатировать⁶ ярко выраженную тенденцию к росту в 1870–1970-е гг. как абсолютных, так и относительных масштабов транзакционного сектора (деятельность полиции и судов, торговля, страхование, банковское дело и др.). Этот вывод стал важным уточнением подмеченного сторонниками теории «постиндустриального общества» еще в 1960-е гг. сдвига от доминирования первичного и вторичного секторов к первенству третичного сектора, сферы услуг.

Вершиной теории новой экономической истории Д. Норта в настоящее время является изданная им в 1990 г. монография «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики». В этой книге он завершает переосмысление самого понятия «институты». Ранее их трактовали, главным образом, как совокупность организационных структур. Новая же книга Д. Норта начиналась с чеканной формулировки: «Институты — это “правила игры” в обществе, или... созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»⁷. Если ранее он обращал основное внимание на влияние институтов на измене-

ние производства, то теперь в центре его внимания оказались проблемы изменения самих институтов. Кроме того, в новой книге он обратил особое внимание на устойчивость неэффективных норм, которые далеко не всегда отмирают «сами собой» под влиянием более эффективных «правил игры».

Новая экономическая история Д. Норта убедительно свидетельствует, что для создания целостной теории экономической истории не обязательно использовать клиометрику (в теоретических трудах «зрелого» Д. Норта вообще нет ни одной формулы), но обязательно вести диалог (хотя бы и полемический) с традицией «старого» институционализма⁸. Д. Норт в своем анализе институциональных изменений как раз соединил обе традиции: как представитель «нового» институционализма, он делает акцент на большом значении правовых институтов, прав собственности; как ученый, испытавший влияние «старого» институционализма, он подчеркивает, что на трансакционные издержки сильно влияют не только формальные, но и неформальные ограничения.

«НОВЕЙШАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ» П. ДЭВИДА И Б. АРТУРА

Особенности «новой экономической истории». Трактровка институтов как сознательно и/или стихийно складывающихся «правил игры» естественным образом ставит вопрос о том, как и почему эти правила меняются. Сторонники новой экономической истории делают акцент на сознательном выборе норм, на институциональном конструировании и экспорте институтов. Но есть и иная сторона проблемы изменчивости институтов. Речь идет об институциональной инерции, которая стала главным объектом изучения своего рода «новой экономической истории».

Наряду с теорией новой экономической истории Д. Норта есть другой — близкий, но относительно самостоятельный — теоретический институциональный подход к экономической истории. Это возникшая в 1980-е гг. теория Path Dependency, основы которой заложены американскими экономистами-историками Полом Дэвидом и Брайаном Артуром. Поскольку «фогелевское» и «нортовское» направления называют «новой экономической историей», то это более позднее научное течение можно считать «новой экономической историей».

Название теории Path Dependency принято в отечественной литературе переводить как «зависимость от предшествующего развития»⁹. Она тоже обращает внимание на институциональные изменения и на роль институтов в технических изменениях. Однако если в «нортовской» новой экономической истории главный акцент сделан на том революционизирующем влиянии, которое оказывают правовые инновации и изменение трансакционных издержек на социально-экономическое развитие, то в теории зависимости от предшествующего развития основное внимание обращается на инерционность развития. Иначе говоря, если последователи Д. Норта изучают, *как становятся возможны институциональные инновации*, то последователи П. Дэвида и Б. Артура, наоборот, — на то, *почему институциональные инновации далеко не всегда возможны*. Кроме того, если Д. Норт при изучении институтов акцентирует внимание на правах собственности, то П. Дэвид и Б. Артур — на неформальных механизмах выбора.

Поскольку оба эти аспекта связаны друг с другом, как орел и решка, то происходит интенсивное взаимодействие и взаимообогащение этих двух институциональных теорий экономической истории. Характерно, что Д. Норт в своей книге «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» очень оперативно откликнулся на только-только начавшие приобретать популярность идеи «новых экономистов» и включил их в свою концепцию как один из ключевых ее компонентов.

Изучение бифуркаций в развитии технических инноваций. Формирование теории Path Dependency началась в 1985 г., когда П. Дэвид опубликовал небольшую статью¹⁰, посвященную такому, казалось бы, мелкому вопросу, как формирование стандарта клавиатур печатающих устройств. Он доказывал, что хорошо нам знакомая QWERTY-клавиатура печатающих устройств стала результатом победы менее эффективного стандарта над более эффективными. Изучение экономической истории технических стандартов, начатое после пионерных работ П. Дэвида и Б. Артура, показало необычайно широкое распространение QWERTY-эффектов едва ли не во всех отраслях экономики. Кстати говоря, следует вспомнить, что идея сравнения эффективности реально осуществившихся и потенциально возможных технологических страте-

гий впервые была высказана еще в опубликованной в 1964 г. скандально известной книге Р. Фогеля «Железные дороги и экономический рост Америки»¹¹.

Под QWERTY-эффектами в современной научной литературе подразумевают все виды сравнительно неэффективных, но устойчиво сохраняющихся стандартов, которые демонстрируют, что «история имеет значение». Эти эффекты можно обнаружить двумя путями —

- 1) либо сравнивать *реально сосуществующие* в современном мире технические стандарты,
- 2) либо сопоставлять *реализованные* технические инновации с *потенциально возможными, но не реализованными*.

Хотя современная экономика давно глобализируется и унифицируется, в разных странах мира продолжают сохраняться разные технические стандарты, не совместимые друг с другом. Некоторые примеры общеизвестны — например, различия между левосторонним (в бывшей Британской империи) и правосторонним движением на дорогах разных стран, что заставляет одних автопроизводителей ставить на машины руль слева, а других — справа. Другие примеры менее известны, как, скажем, различия в ширине железнодорожной колеи или в стандартах передачи электроэнергии.

Быть может, QWERTY-эффекты возникали только на относительно ранних этапах экономической истории? Нет, они проявляют себя и в эпоху НТР. В качестве примеров приводят формирование стандартов телевизионного оборудования (550-линейный стандарт в США в сравнении с лучшим 800-линейным в Европе), видеокассет и компакт-дисков (победа стандарта VHS над BETA)¹², развитие рынка программного обеспечения (победа DOS/WINDOWS над Macintosh)¹³ и т.д.

Итак, после многочисленных исследований QWERTY-эффектов историки-экономисты с изумлением обнаружили, что многие окружающие нас символы технического прогресса приобрели хорошо знакомый нам облик в результате, в общем-то, во многом случайных обстоятельств, и что мы живем вовсе не в лучшем из миров.

Изучение соревнования разных стандартов подводит к анализу «несостоявшейся экономической истории». Речь идет о том, что, по мнению многих историков-экономистов, некоторые победившие из-за конъюнктурных обстоятельств техни-

ческие инновации перекрыли другие, потенциально более эффективные пути развития.

Теория зависимости от предшествующего развития и близкие к ней научные исследования по альтернативной истории основаны не на неоклассическом «экономиксе» (как «фогелевская» новая экономическая история), а на метанаучной парадигме синергетики, связанной с идеями известного бельгийского химика Ильи Пригожина (тоже Нобелевского лауреата), создателя теории самоорганизации порядка из хаоса¹⁴. Согласно разработанному им синергетическому подходу, развитие общества не является жестко предопределенным (по принципу «иного не дано»). На самом деле наблюдается чередование периодов эволюции, когда вектор развития изменить нельзя (движение по аттрактору), и точек бифуркации, в которых возникает возможность выбора. Когда «QWERTY-экономисты» говорят об исторической случайности первоначального выбора, они рассматривают как раз бифуркационные точки истории — те ее моменты, когда происходит выбор какой-либо одной возможности из веера различных альтернатив. Выбор в таких ситуациях практически всегда происходит в условиях неопределенности и неустойчивости баланса социальных сил. Поэтому при бифуркации судьбоносными могут оказаться даже совсем мелкие субъективные обстоятельства — по принципу «бабочки Брэдли».

Изучение бифуркаций в развитии институциональных инноваций. Самое главная из новых идей, предложенных в развитие первоначальной концепции П. Дэвида, заключается в том, что победу изначально выбранных стандартов/норм над всеми другими, даже сравнительно более эффективными, можно наблюдать не только в истории развития технологий, но и в истории развития институтов. В 1990-е гг. появилось немало исследований, включая работы самого Дугласа Норта, развивающих эту новое направление использования QWERTY-подхода. Английский ученый Д. Пуфферт прямо заявил, что «зависимость от предшествующего развития для институтов, вероятно, будет вполне подобна зависимости от предшествующего развития для технологий, поскольку обе основаны на высокой ценности адаптации к некоей общей практике (какой-либо технике или правилам), так что отклонения от нее становятся слишком дорогостоящими»¹⁵.

Если при описании истории технических инноваций чаще пишут о QWERTY-эффектах, то в рамках анализа институциональных инноваций обычно говорят с Path Dependency — зависимости от предшествующего развития. Впрочем, оба этих термина многие используют как синонимичные. Сам П. Дэвид дал Path Dependency определение следующим образом: «зависимость от предшествующего развития — это такая последовательность экономических изменений, при которой важное влияние на возможный результат могут оказать отдаленные события прошлого, причем скорее случайные события, чем систематические закономерности»¹⁶.

В истории развития институтов проявления зависимости от предшествующего развития можно проследить на двух уровнях — во-первых, на уровне отдельных институтов (правовых, организационных, политических и т.д.), а во-вторых, на уровне институциональных систем (особенно, национальных экономических систем).

Собственно говоря, любой пример технологических QWERTY-эффектов обязательно имеет институциональную подоплеку: ведь конкурируют вовсе не технологии, а те организации, которые их применяют¹⁷. Поэтому, скажем, победа стандарта узкой колеи железных дорог над более эффективным стандартом широкой колеи — это победа менее эффективной (по крайней мере, по данному критерию) фирмы Д. Стефенсона, пионера железнодорожного строительства, над его более эффективными, но менее удачливыми конкурентами.

К настоящему времени накопилось много исследований, анализирующих зависимость от предшествующего развития и в формировании самих институтов — золотого стандарта, систем общего и гражданского права, центрального банка и т.д.

Если в работах о QWERTY-эффектах в истории техники часто подчеркивается случайность и конъюнктурность выбора победившей технологии, то у исследователей Path Dependency в развитии институтов этот мотив звучит гораздо слабее. Видимо, выбор институтов в отличие от выбора технологий носит более коллективный характер, а потому он более закономерен¹⁸. Оба направления родственны тем, что исследователи подчеркивают высокую инерцию общественного развития, которая делает невозможным быстрое изменение как используемых технологий, так и господствующих норм.

Применение теории зависимости от предшествующего развития к экономической истории институтов позволяет видеть их альтернативные издержки и тем самым делать выводы об эффективности выбора, сделанного в бифуркационных точках социально-экономического развития.

Хотя «новейшая» экономическая история преодолевает ограниченность неоклассического экономикса, но она сконцентрирована на событиях последних двух веков. Поэтому ученым еще предстоит создать новую целостную парадигму экономической истории.

НАУЧНАЯ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ: ОТ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ — К «ФАНТАСТИЧЕСКОЙ» НАУКЕ

Из науки в фантастику и обратно. В теориях «новейшей экономической истории» и в «фогелевской» клиометрике часто фигурирует сравнение реального хода истории с гипотетически возможным, но не свершившимся. Здесь мы видим уникальный пример того, как очень важная научная идея пришла в науку из художественной литературы — из научной фантастики. Правда, в саму фантастику она ранее пришла все же из науки, но не из «высокой», а «популярной».

Традиционно считается, что рассуждения на тему «что было бы, если бы...» (если бы Александр Македонский прожил еще несколько лет, если бы восстание декабристов увенчалось победой, если бы НЭП не сменился Великим переломом и т.д.) для профессиональных историков неприличны: история-де не знает сослагательного наклонения. Между тем подобный подход к историческому исследованию на самом деле давно стал за рубежом вполне допустимым (хотя и все еще несколько экзотическим)¹⁹.

Все началось со своего рода научной публицистики. Среди основоположников альтернативной истории называют английских историков Джорджа Тревельяна (автора опубликованной еще в 1907 г. статьи «Если бы Наполеон выиграл битву при Ватерлоо») и Арнольда Тойнби с его альтернативными сценариями жизни Александра Македонского²⁰. В 1931 г. появляется сборник научно-популярных эссе «Если бы это все же случилось», который стал первой попыткой комплексной разработки проблем ретропрогнозирования.

Но все эти опыты были основаны на использовании воображения. Не удивительно, что «серьезные» историки не обратили особого внимания на эти «экстравагантности». Зато писатели-фантасты с охотой приняли предложенные «правила игры». Возник новый жанр научной фантастики, который успешно развивается и в наши дни: «Человек в Высоком Замке» Ф. Дика, «Да не опустится тьма» Л. Спрэга де Кампа, «Павана» К. Робертса, трилогия Г. Гаррисона «Звезды и полосы», «Остров Крым» В. Аксенова, «Первый год Республики» Л. Вершинина...

Рождение собственно научного ретропрогнозирования произошло в 1960-е гг., после работ знаменитого Р. Фогеля об «альтернативной Америке XIX в. без железных дорог», которые приблизили «еслибылогию» к точной науке. Хотя и в наши дни этот метод находит одобрение далеко не у всех специалистов, все же после фогелевских «Железных дорог» стало возможным относить ретропрогнозы уже не к области умозрительных спекуляций, а к одному из методов исторической науки.

Изучение «истории в сослагательном наклонении» является отражением чисто *экономического* подхода к исследованию общественных проблем. Действительно, современные экономисты рассматривают свою науку как изучение выбора среди альтернативных вариантов, который делают люди, стремясь максимизировать свое благосостояние. В таком случае альтернативная история — история, рассматриваемая как результат оптимизирующего выбора, — становится частным случаем анализа поведения людей, выбирающих наилучший вариант из доступных им альтернатив. Моделирование неосуществленных сценариев развития исторических событий, с экономической точки зрения, принципиально не отличается от моделирования последствий поведения, например, покупателя в магазине или правительства в период кризиса. Ретропрогноз отличается от обычного экономического прогноза лишь тем, что здесь выбор пути развития определяется не только сознательными действиями людей, организаций или социальных групп, но и чисто случайными обстоятельствами. Например, благополучный исход экспедиции Колумба во многом зависел от погодных условий в Атлантике в 1492 г. — сильный шторм мог бы отправить испанские корабли на дно и тем самым отдалить открытие Америки на несколько лет или даже десятилетий.

В отечественной научной литературе подобные исследования долгое время были практически неизвестны. Ситуация начала несколько меняться в 1970–1980-е гг., когда стала складываться руководимая И. Д. Ковальченко отечественная школа клиометристов. Однако сам основоположник российской клиометристики относился к альтернативно-имитационному моделированию исторического процесса весьма скептически, что отнюдь не способствовало его популярности²¹.

В 1990-е гг. повальное увлечение российских историков новомодной ментальной историей в духе «Анналов» привело к тому, что иные направления научного поиска оставались малоизвестными и слабо разработанными. Публикация концептуальной статьи И. В. Бестужева-Лады с призывом начать разработку проблем «ретроальтернативистики»²² оказалась практически незамеченной. К сожалению, следует констатировать, что строго научные ретропрогнозные исследования в постсоветской науке остаются пока случайными и эпизодическими, хотя в научно-популярной литературе они представлены уже довольно широко²³.

Для чего нужно ретропрогнозирование? Несмотря на уже довольно долгую историю развития, это новое методологическое направление еще окончательно не сформировалось даже за рубежом. У него нет пока даже общепризнанного названия. На наш взгляд, наиболее точно содержание этого направления исторических исследований передается термином «ретропрогнозирование» (или «ретропрогностика»), поскольку его цель — *давать прогнозы альтернативных вариантов развития тех или иных исторических событий и оценивать вероятности различных их исходов* (включая и тот вариант, который реально осуществился).

Объектом изучения ретропрогностики должны быть *бифуркационные точки истории* — те ее моменты, в которые происходит выбор качественно различных альтернатив. В бифуркационных точках происходит, так сказать, изменение русла исторического потока с долговременными последствиями. Поскольку выбор в таких ситуациях почти всегда происходит в условиях неопределенности и неустойчивости баланса социальных сил, то историческая картина может быть сильно изменена даже относительно мелкими субъективными обстоятельствами. В качестве примера можно поставить

мысленный эксперимент, как пошло развитие истории России, если бы в 1905 г. во время перехода по льду Финского залива В.И. Ленин утонул; без его харизматической личности, вероятнее всего, Октябрьской революции 1917 г. либо вообще не произошло, либо она имела во многом иной характер.

Взгляд на историю как на цепь вероятностных событий, где переход от одного звена к другому происходит в результате сознательного или случайного выбора, имеет большое значение для понимания логики общественного развития. Оценка благоприятности исходов вероятностных сценариев по разным критериям оптимизации — рост благосостояния, устойчивость общественной системы, национальное самосознание и т.д. — позволит во многом уточнить или даже изменить наши знания о значении многих исторических событий. Например, восстание декабристов может быть оценено и как безответственное упущение уникального шанса на создание жизнеспособного российского конституционализма, и как преступная попытка спровоцировать смуту, близкую к реальным событиям 1612 и 1917 гг. Какая из этих оценок ближе к истине, можно выяснить только на основе ретропрогнозирования.

Типология ретропрогнозов. При обсуждении ретропрогнозирования уже стало общепризнанным различать собственно *альтернативное* и *контрфактическое моделирование*. В первом случае историки анализируют те варианты истории, которые имели реальные шансы реализоваться (например, победоносное восстание декабристов). Во втором случае речь идет о сценариях, которые в принципе не могли осуществиться (например, победа Новгородской боярской республики над самодержавием Москвы). Если в реальной истории существовали определенные силы (партии, политические лидеры, социальные группы), выступавшие за альтернативный ход событий, либо признающие его возможность, причем не существует объективных (не зависящих от воли людей) факторов, которые делали бы этот ход событий невозможным, то соответствующий ретропрогноз надо считать альтернативным. Напротив, если нет данных, что кто-либо из современников предлагал практическую реализацию иного варианта событий, или попытки их реализации оказались (должны были оказаться) по объективным причинам однозначно безуспешными, такой ретропрогнозный сценарий будет контрфактическим.

Классификация виртуальных сценариев по степени их реалистичности

		Объективные предпосылки	
		Объективная вероятность	Объективная невероятность
Субъективные предпосылки	Субъективная вероятность	A	K _м
	Субъективная невероятность	K _в	K _н

Оценки реалистичности ретропрогнозных сценариев можно типологизировать по довольно простой схеме (см. табл.). Деятельность людей (выдающихся личностей, социальных групп) определяет субъективную вероятность либо невероятность альтернативного хода событий, а состояние окружающей людей среды (природы, объективных производительных сил) — объективную вероятность либо невероятность. В таком случае ретропрогнозные сценарии могут иметь четыре степени реалистичности:

A — для альтернативного исхода были и объективные и субъективные предпосылки (собственно альтернативное моделирование);

K_в — для альтернативного исхода были объективные предпосылки, но не было субъективных (контрфактическое моделирование высоковероятных событий);

K_м — для альтернативного исхода были субъективные предпосылки, но не было объективных (контрфактическое моделирование маловероятных событий);

K_н — для альтернативного исхода не было ни объективных, ни субъективных предпосылок (контрфактическое моделирование заведомо невероятных событий).

Большинство виртуальных сценариев, которые рассматривались в научной и художественной литературе, принадлежат, конечно, к классу A. Именно к нему относятся сценарии более долгой или более короткой жизни Александра Македонского по А. Тойнби, победы восстания декабристов в Петербурге, «долгого НЭПа» по Бородину-Свищеву, и т.д. «Америка XIX в. без железных дорог», которую сконструировал Р. Фогель, относится к классу K_в: нет никаких объективных при-

чин, в силу которых американцы не могли строить вместо сети железных дорог речные каналы и магистрали дилижансов, однако, насколько известно, современники событий такую альтернативу даже не осознавали. К этому же классу относится модель «долгих столыпинских реформ» И.Д. Ковальченко. Сценарии K_m и K_n рассматриваются почти исключительно в художественной литературе. Так, «Фатерлянд» Р. Харриса является ярким примером ретропрогноза класса K_m , а «Тьма не наступит» Л. Спрэга де Кампа — класса K_n .

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ, КОТОРУЮ ПРЕДСТОИТ СОЗДАТЬ

В ожидании «большой теории». Особенностью современного этапа развития экономико-исторической науки, развивающейся под доминирующим влиянием новой и «новейшей» экономической истории, является превалирование эмпирических исследований над «большой теорией». В результате возникает ситуация, когда большое число интересных и важных исследований частных проблем остаются «осколками мозаики», не складываются в целостную картину исторической эволюции²⁴. Ближе всех к созданию новой метатеории подошел Д. Норт, но и его синтез пока не завершен. Эта незавершенность заметна в его сосредоточенности, главным образом, на истории нового времени, в отсутствии у него концепции фаз исторического развития. Очевидно, создание новой теории экономической истории потребует объединения достижений не только «нового», но и «старого» институционализма.

В современной экономической истории как науке можно встретить не менее полудюжины институциональных концепций претендующих на статус «большой теории»:

1) марксистская традиция анализа экономической истории как прогрессивной эволюции производственных отношений, обусловленной развитием производительных сил;

2) идущий от работ М. Вебера и А. Тойнби цивилизационный (хозяйственно-культурный) подход, продолжением которого являются связанные с этносоциологией (Г. Хофстед, Г. Триандис и др.) исследования национальной хозяйственной ментальности как детерминанты национальных моделей экономики;

3) сформулированная К. Поланьи концепция параллельного развития отношений реципрокности, редистрибуции и торговли как специфических форм обмена в условиях общественного разделения труда;

4) разрабатываемая в трудах институционалистов-социологов (Д. Белл, О. Тоффлер и др.) теория постиндустриального общества, являющаяся во многих отношениях модернизированным вариантом марксистской теории социально-экономического прогресса;

5) разработанный в трудах И. Валлерстайна и Ф. Броделя мир-системный подход, обращающий главное внимание на взаимовлияние и взаимообусловленность развития национальных экономик как элементов единой геоэкономической системы;

6) новая экономическая история Д. Норта, интерпретирующая институты как «правила игры» и рассматривающая прогресс в экономической истории как снижение трансакционных издержек;

7) связанная с синергетической парадигмой теория зависимости от предшествующего развития (П. Дэвид, Б. Артур), предполагающая преимущественное внимание к исследованию случайного или сознательного выбора в бифуркационных точках новых стратегий развития.

Есть точка зрения (ее называют «пост-модерной»), согласно которой вообще прошло время всеобъемлющих («больших») теорий, им на смену приходит знание контекстуальное и фрагментарное. На наш взгляд, правильнее говорить не об окончании эпохи «больших» теорий, а о временной паузе между «уходом» одной мета-теории и «приходом» другой. Такие паузы заметны в истории науки не реже, чем прямое вытеснение старой теории новой. Например, в XIX веке между осознанием кризиса классической политэкономии и рождением неоклассики прошла довольно длительная пауза (1840–1880-е гг.), во время которой на роль альтернативной парадигмы претендовали немецкая историческая школа, марксизм, камералистика и иные теории.

Новая мета-теория экономической истории призвана определенным образом синтезировать лучшие идеи всех этих парадигм. Это возможно, поскольку все перечисленные парадигмы основаны на органистической трактовке общества, рассматриваемого не как сумма индивидов, а как система

социальных организаций и социальных норм. Существующие «большие» теории не противоречат, а дополняют друг друга.

Экономическая история как конкуренция институтов. Основой такого синтеза, по нашему мнению, может стать трактовка экономического развития как глобальной конкуренции экономических систем и институтов, в процессе которой происходит отбор — отчасти осознанный, отчасти стихийный — наиболее эффективных путей социально-экономического развития человечества. В основе этого подхода лежит соединение неoinституционализма Д. Норта с теорией социально-экономических систем, разрабатываемой марксистами и «старыми» институционалистами. Что касается других концептуальных подходов к экономической истории, то их можно ввести в мега-теорию как ее частные компоненты. Как в экономической теории результаты конкуренции оцениваются путем сравнения альтернативных издержек, так и в историко-экономической науке для анализа конкуренции экономических систем и институтов необходимы методы ретропрогнозирования — сравнения разных вариантов общественного развития.

Технические инновации, которые при ортодоксально-марксистских подходах считались главным «мотором» развития общества, в рамках институциональной парадигмы рассматриваются как результат институциональных инноваций, порождающих спрос на новые технологии и создающих условия для их внедрения в хозяйственную практику. Впрочем, возможно и обратное влияние технических нововведений на экономические институты, которое особенно усиливается в эпоху новейшей истории.

Главным теоретическим принципом нового подхода является тезис о конкуренции как главном содержании экономической истории²⁵. Эта конкуренция прослеживается в двух аспектах:

- 1) конкуренция институтов («правил игры»);
- 2) конкуренция экономических систем — комплексов институциональных норм.

В процессе конкурентного отбора соревнуются многие нормы и системы, частично субституциональные по отношению друг к другу. В ходе этой конкуренции происходит отбор тех институтов и тех экономических систем, которые наиболее эффективны.

Анализ институциональной конкуренции требует освещения двух основных вопросов:

- 1) Ради чего ведется конкуренция?
- 2) Каковы критерии сравнительной эффективности конкурирующих институтов?

Ответ на первый вопрос связан с узловым для современной экономической теории понятием «ограниченности ресурсов». Люди, вовлеченные в ту или иную институциональную систему, постоянно испытывают нехватку чего-либо (работников, плодородной земли, капиталов, полезных ископаемых и т.д.). Восполнить эту нехватку можно двумя путями — либо «взять у природы» (создавать новые технологии материального производства), либо «взять у других». Под «другими» здесь понимаются как раз представители иной институциональной системы, а «взять» означает либо отнять чужие ресурсы, либо заимствовать чужие методы более эффективного использования своих ресурсов.

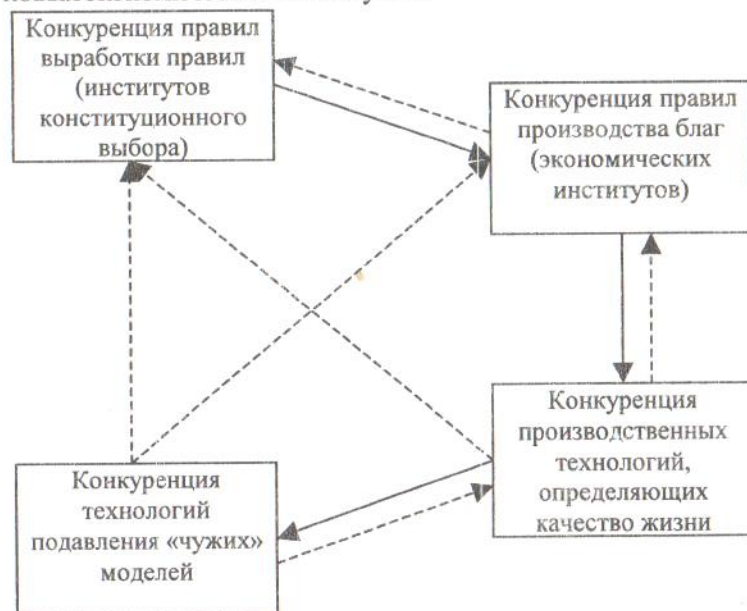
Институциональную конкуренцию можно, казалось бы, считать экстенсивным путем социально-экономического развития, поскольку она направлена на расширение количества ресурсов, находящихся в распоряжении какой-либо одной институциональной системы, а не на увеличение эффективности их использования в рамках разных систем. Однако именно конкуренция систем заставляет их мобилизовать свои способности по повышению эффективности использования ресурсов. Поэтому без институциональной конкуренции интенсивный путь социально-экономического развития тоже вряд ли возможен. Отсюда, кстати, вытекает необходимость институционального разнообразия. Если будет господствовать одна-единственная институциональная система, то она в значительной степени потеряет стимулы к совершенствованию.

Таким образом, объективная цель институциональной конкуренции — это расширение сферы действия отдельных видов или отдельных наборов «правил игры».

Ответ на второй вопрос таков: в столкновении разных институтов побеждают те, которым легче подавить конкурентов. Это, конечно, похоже на тавтологию («побеждают те, которые побеждают»). Однако такая тавтология обращает внимание на главный критерий сравнительной эффективности институтов — на их способность противодействовать «чужому». Подавление «чужих» моделей может происходить либо «экспортом институтов» в ходе прямого военного насилия (завоевание Америки

в XVI–XIX вв. европейцами), либо демонстрацией преимуществ своей модели и помощью в «импорте институтов» (современная политика США в отношении остального мира).

Конкуренция технологий подавления (противоборства подавлению) является отражением других уровней конкуренции (см. рис.). Среди технологий подавления (военных, экономических, идеологических) более сильны те, которые опираются на преимущества в производстве и потреблении (уровне и качестве жизни). «Правы большие батальоны», вооруженные более современным оружием и желающие отстаивать свой образ жизни. Конкуренция уровня и качества жизни, далее, опирается на конкуренцию правил производства экономических благ — на конкуренцию экономических институтов. Высшим уровнем институциональной конкуренции является конкуренция правил совершенствования старых и генерирования новых экономических институтов.

Уровни конкуренции моделей экономики

В этой схеме есть, конечно, не только прямые, но и обратные зависимости. Так, появление среди технологий подавления «оружия непрофессионалов» (например, простого и деше-

вого огнестрельного оружия в XIX в.) ведет к росту конкурентоспособности правил конституционного выбора, поскольку самые широкие слои населения теперь могли весомо настаивать на своем участии в политической жизни.

Следует подчеркнуть, что конкурентные преимущества на более верхних «этажах» нашей схемы становятся не потенциально возможными, а реальными лишь тогда, когда они влияют на конкурентные преимущества более низких «этажей». Перефразируя классика, можно сказать, что любая институциональная система «лишь тогда чего-нибудь стоит, когда умеет защищаться» и наступать. Если некая институциональная система обеспечивает своим приверженцам более высокий уровень жизни, но не дает защиты от внешней агрессии, то такая система заведомо не конкурентна в долгосрочном периоде. Именно такая ситуация сложилась, например, в годы Гражданской войны в России, когда «зеленая» (махновская) модель была для очень значительной части крестьян привлекательнее и «красной», и «белой» моделей, но не обеспечивала им эффективной защиты от «человека с ружьем».

В том случае, когда силовые возможности разных моделей приблизительно равны, исход их противоборства может быть решен во многом случайными обстоятельствами. Именно так произошло, например, в ходе конкуренции между Московским княжеством и Великим княжеством литовским (Русско-литовским государством) в XIII–XVI вв., когда неудачный в долгосрочном аспекте конфессиональный выбор правящей династии Литвы (католицизм, а не православие) лишил их возможности «разыгрывать русскую карту».

Критерий эффективности конкурирующих институтов и систем можно сформулировать и как их способность повышать благосостояние людей — благосостояние в самом широком смысле слова (не только материальное, но и духовное; не только «здесь и сейчас», но и в долгосрочном аспекте). Дело в том, что мобилизационная способность конкурирующих институтов и систем определяется тем, насколько люди могут и желают их отстаивать.

Следует подчеркнуть, что в силу зависимости от предшествующего развития эффективность институтов и систем может заметно различаться в среднесрочном и в долгосрочном периодах. Поэтому первоначально побеждавшие в конкурен-

ции нормы и системы могут затем потерять свой конкурентный потенциал и оказаться «институциональной ловушкой».

Многоаспектность исторической конкуренции институтов. В силу множественности конкурирующих институтов и систем процесс развития общества является многоуровневым и многолинейным:

- соревнуются разные общественные системы (в частности, в первой половине XX в. — командная индустриальная с рыночной индустриальной);

- соревнуются разные цивилизационные и национальные системы (так, в XX в. внутри командной системы соревновались советская, китайская и восточноевропейская подсистемы);

- соревнуются различные институты внутри цивилизационных и национальных экономических систем (например, в США XX в. шло соревнование между прямыми, кейнсианскими, и косвенными, неоклассическими, методами регулирования экономики).

Важно подчеркнуть, что каждый из институтов развивается не изолировано, а как элемент определенной институциональной системы. Поэтому институциональная конкуренция, как правило, является конкуренцией «пакетов» взаимосвязанных институтов. Если один институциональный «пакет» в целом эффективнее другого, то доминирующими становятся все его компоненты, даже если отдельные институты из предпочтительного «пакета» хуже соответствующих институтов менее конкурентного пакета. Так, во время конкуренции в XIII–XV вв. московской и новгородской моделей русской государственности победила московская модель, поскольку именно она позволяла обеспечивать более высокую обороноспособность. При таком высшем критерии эффективности экономическая и политическая демократия новгородской модели уступили место помещичьей системе и царскому деспотизму.

Таким образом, *экономическая история* предстает как *последовательность институциональных выборов — выборов траекторий развития*, коллективно совершаемых отдельными социальными группами и цивилизациями во взаимодействии друг с другом.

Институциональный выбор — это такое изменение формальных и неформальных правил, а также способов и эффективности принуждения к исполнению правил и ограничений, когда выбирается какой-либо один предпочтительный вари-

ант из нескольких потенциально возможных. Понятие «институциональный выбор» практически сливается с понятием «институциональной инновации», поскольку вряд ли есть хоть одна социально-экономическая проблема, которую можно решить одним-единственным образом.

Взгляд на историю общества как на процесс выбора позволяет преодолеть «обезличенность», присущую почти всем «большим теориям» экономической истории. Предлагаемый нами подход позволяет видеть не только те процессы, где «каплей льешься с массами», но и различать лица тех, кто «сдвигая камень, рождает лавину», — как Мартин Лютер, Генри Форд, Владимир Ульянов (Ленин), Джон Мейнард Кейнс... Поскольку процесс институционального выбора многоаспектен, то в роли «бабочки Брэдбери» может оказаться любой из нас.

Примечания

¹ Williamson S.H. The History of Cliometrics // Two Pioneers of Cliometrics. Robert W. Fogel and Douglass C. North (Nobel Laureates of 1993.). Miami University, Oxford, Ohio, 1994. P. 114.

² Fogel R.W., Engerman S.L. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. New York: Little, Brown, 1974. Vol. 1–2.

³ Ломова С.А. Сорок лет американской клиометрики (заметки по истории научного направления) // Компьютер и экономическая история. Барнаул, 1997. С. 129 (<http://aik.barnaul.ru/aik/krug/keh/lomova.shtml>).

⁴ Ломова С.А. Сорок лет американской клиометрики (заметки по истории научного направления). С. 130.

⁵ North D.C., Thomas R.P. The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. P. 2.

⁶ Wallis J.J., North D.C. Measuring the transactional sector in American economy, 1870–1970 // Long-Term Factors in American Economic Growth. Ed. by S. Engerman. Chicago, 1986. P. 121–123.

⁷ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

⁸ Сам Д. Норт признал это предельно четко: «"Клиометрическая" (описательная) экономическая история фактически "вращается" вокруг институтов, и если за изложение берутся самые опытные специалисты, то она (история) предстает перед нами как континуум и последовательность институциональных изменений, т.е. в эволюционном виде» (Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. С. 167).

⁹ Строго говоря, такой упрощенный перевод не совсем правилен, поскольку он чреват упрощением сущности явления. Все в мире зависит от прошлого в том смысле, что ничто ни возникает из ничего. Смысл теории Path Dependency в том, что возможности выбора, который делается «здесь и сейчас», жестко детерминирован выбором, сделанным «где-то и когда-то раньше».

¹⁰ David Paul A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2.

¹¹ Fogel R. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. John Hopkins University Press, 1964.

¹² Arthur W. Brian. Positive Feedbacks in the Economy // Scientific American. Vol. 262. 1990. February. P. 92–99.

¹³ Liebowitz S.J., Margolis S.E., Winners, Losers and Microsoft. Oakland: The Independent Institute, 2000.

¹⁴ С. Марголис и С. Либовиц в своей энциклопедической статье о Path Dependency четко указывают, что «зависимость от предшествующего развития — это идея, которая пришла в экономическую теорию от интеллектуальных движений, возникших в другой сфере. В физике и математике эти идеи связаны с теорией хаоса» (Margolis S.E., Liebowitz S.J. Path Dependence // The New Palgrave Dictionary of Economics and Law. Ed. by P. Newman. L.: Macmillan, 1998). См. также: Бородин Л.И. Бородин Л.И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 98–118.

¹⁵ Puffert Douglas J. Path Dependence, Network Form and Technological Change // History Matters: Essays on Economic Growth, Technology and Demographic Change. Ed. by W. Sundstrom, T. Guinnane and W. Whatley. Stanford: Stanford University Press, 2003 (http://www.vwl.uni-muenchen.de/lis_komlos/nettech1.pdf).

¹⁶ David Paul A., 1985. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2. P. 332.

¹⁷ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 122.

¹⁸ Возможно, впрочем, и иное объяснение — смоделировать альтернативный вариант институциональной истории психологически труднее, чем представить иной вариант развития технологии. Достаточно обратиться к альтернативной истории как жанру научной фантастики: писатели «изобрели» паропанк (альтернативную историю нового и новейшего времени, где нет бензиновых двигателей), но в конструировании альтернативных институтов не могут придумать ничего оригинальнее продления или сокращения «сроков жизни» феодализма, фашизма, коммунизма и т.д.

¹⁹ О научной альтернативной истории см.: Хук С. «Если бы» в истории // THESIS. 1994. № 5. С. 206–215; Полетаев А.В. Клиометрика — новая экономическая история — историческая экономика // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М., Экономика, 1989. С. 37–42; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 647–654. Из зарубежных изданий последних лет можно назвать сборник: Virtual History: Alternatives and Conterfactuals. Ed. by N. Ferguson. L., 1997.

²⁰ Тойнби А. Если бы Александр не умер тогда... // Знание—сила. 1979. № 2. С. 39–42; Он же. Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели... // Знание—сила. 1994. № 8. С. 60–65. Оригинальные тексты являются приложениями к книге: Toynbee A.J. Some Problems in Greek History. Oxford University press, 1969.

²¹ Впрочем, хотя И.Д. Ковальченко не раз высказывал критические оценки тех подходов, которые предлагали Р. Фогель и его последователи, в принципе он не отрицал возможности построения моделей, которые бы отражали отличный от реального, но допустимый ход исторических событий. В одной из его последних работ есть, например, модели развития дифференциации крестьянских хозяйств России начала XX в., если бы не было столыпинских реформ и если бы они продолжались до 1920-х гг. (Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2).

²² Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 112–122.

²³ См., например: Поликарпов В.С. Если бы... Исторические версии. Ростов-на-Дону, 1995; Лещенко В. Ветвящееся время. М., 2003. Показателем растущего интереса отечественных историков к «истории в сослагательном наклонении» являются материалы «круглых столов»: Одиссей: Человек в истории, 2000: История в сослагательном наклонении? М.: Наука, 2000; Возможны ли математические модели истории? // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 111–122.

²⁴ Английский историк-экономист Н. Крафтс прямо признает «неудачи попыток сколько-нибудь полно использовать потенциал экономической науки в исторических исследованиях, и наоборот» (Крафтс Н.Ф.Р. Экономическая теория и история // Панорама экономической мысли конца XX столетия. В 2-х т. СПб., 2002. Т. 2. С. 995).

²⁵ При формулировании концепции конкуренции как механизма исторического развития большое значение имеет идея «конкуренции как процедуры открытия», предложенная Ф. фон Хайеком (Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 5–14).